

Содержание

Биржевой зал

1984–1991

11

Дух дышит, где хочет

1992–1995

87

Узник. Часть первая

2001–2010

155

Меня зовут Эдуардо

209

Узник. Часть вторая

2010–2014

255

Последний друг

2014–...

321

*Посвящается моим друзьям
и их вечной молодости*

Под покровом ночи он вышел к реке, волоча за собой тело. Над каменистой тропой, вившейся меж чахлых кустов, стоял запах крови — она сочилась, как чернила из опрокинутой склянки.

Идти становилось все труднее, пришлось взвалить труп на плечи, испачкав при этом лицо и руки. Из последних сил взобравшись на невысокий холм, он опустил мертвеца на землю, поддерживая ему голову, будто младенцу в колыбели.

Огляделся. Сердце бешено колотилось. Река казалась черной неподвижной линией.

Он взял лопату и принялся копать. Мозоли саднили. Чем глубже он погружался, тем более влажной и рыхлой становилась земля. Запахло свежестью.

Лео опустил труп в яму и закопал ее, так что не осталось и следа вторжения. Вытер руки. *Расскажи ему все, выживи и расскажи.* Губы его тронула улыбка. Синие глаза сверкнули в окутавшей долину непроницаемой тьме, словно через его тело прошел электрический разряд и на миг он стал проводником появив-

МАССИМИЛИАНО ВИРДЖИЛИО

шейся откуда-то издалека и исчезнувшей где-то вдалеке энергии. Лео был счастлив.

На этот раз он сотворил магию собственными руками: предал тело земле, чтобы сделать все тайное явным.

Биржевой зал

1984–1991

Детство — это несдержанное обещание.

КЕН ХИЛЛ

Американец. В то время его еще так не называли, для всех он был просто сопляком, который целыми днями шатается по улицам, единственным восьмилетним воспитанником «Детской улыбки», кого никто не провожал. Остальных обычно приводили родители и бабушки или привозил дон Мими, в чьем микроавтобусе — рассаднике микробов, где воняло грязными носками, — я каждый день добирался из дома на занятия и обратно.

Иногда я видел краем глаза, как он идет по тротуару — голова опущена, за плечами рюкзак, — и завидовал: мне такая свобода даже не снилась. Грабители, наркоманы и насильники только и ждали, как бы совершить с нами что-то из того, о чем родители рассказывали в жутких подробностях, но Лео они почему-то не трогали.

В его присутствии все вели себя как-то странно. Воспитатели, например, делали вид, что не замечают его. При появлении Лео все замолкали. На перемене дети высыпали в сад — на заасфальтированную пло-

щадку, окруженную чахлыми раскидистыми деревцами, и разделялись на группы, словно заключенные во время прогулки. Если поблизости оказывался Лео, очередь на качели молча перестраивалась, пропуская его вперед.

И все прекрасно знали почему.

Устроившись в Банк Неаполя, мой отец получил назначение в Бари. Выбирать ему не приходилось: все, кто прошел отбор, должны были отработать не менее двух лет вдали от центрального офиса. Обычно новички неаполитанцы попадали в Рим или Бари на должность младшего помощника кассира — низшую ступень в карьере любого банковского служащего, а через двадцать четыре месяца, после подачи нужного *прошения*, начиналось утомительное хождение по мукам, в конце которого их ожидало возвращение домой. У моего отца этот путь занял десять лет.

И вот в конце августа 1984 года Эдуардо вошел в наш дом на виа Спарано и сказал, чтобы мы сидели в «фиат-127», который он за пару лет до того купил в рассрочку. Залезая в машину, я, кажется, спросил в растерянности:

— Куда мы едем?

— Домой, — тихо ответила мама. — В Неаполь.

— Разве наш дом не здесь?

— Нет, — отрезал отец. — Это *чистилище*.

Вскоре мы уже ехали по автостраде на запад, и я как будто перенесся в вестерн с его унылыми желтыми прериями. На глаза наворачивались слезы. В шесть лет

я оказался в абсурдном положении — эмигрировал в город, где я родился и где никогда не бывал.

Пока мы ехали, то есть почти три часа, отец только и делал, что крутил колесико радиоприемника и болтал без умолку о том, что он сможет купить, когда получит прибавку к зарплате. При переезде оклад автоматически увеличивался.

— Завтра внесу аванс за «альфасуд». Хочу кремовую. Эта колымага мне осточертела, каждый раз при обгоне я призываю на помощь Всевышнего! Что скажешь, Нана?

Моя мать рассеянно кивнула, глядя в окно на дорогу. Когда он приобретал что-то для себя, она рассчитывала на равноценный подарок. «Альфасуд» для отца означал бы полное мамино право на «Скаволини» — кухню ее мечты. Их брак основывался на вещах, и в словах не было особой нужды.

К вечеру мы добрались до Неаполя. Как я пойму гораздо позже, здесь на каждого Эдуардо, готового на всё ради возвращения в родной город, приходилась тысяча человек, которым не терпелось поскорее его покинуть. А в тот момент я понял только, что это место имеет мало общего с обещанным родителями Эльдорадо. Неаполь больше походил на огромную сточную канаву, от которой разлило нефтью и расплавленной пластмассой, а по его темным улицам бродили подозрительные личности.

Чем дальше углублялись мы в центральные улицы, отходившие от вокзала, тем заметнее проступал румянец на лице Эдуардо. Мы спустились с холма Каподимонте, и, наконец, машина остановилась перед домом — я насчитал десять этажей, — похожим

на дрейфующий круизный лайнер. Дверцы «фиата» распахнулись, и сияющие родители выбрались из него на улицу.

Неподалеку мальчишка — с виду старше меня на пару лет — гонял мяч. Поражало не только то, что он играет один в столь поздний час и что на нем огненно-красная футбольная форма и бутсы с шипами, но еще и точность, с какой его пасы попадали в центр застекленной входной двери. Модник, свирепый, как бойцовый пес. Тогда я и предположить не мог, какую роль он сыграет в моей жизни.

— Эй! — окрикнул его отец и резко добавил: — Ты же ее разобьешь! — чем вызвал недовольство моей матери, которой не хотелось разругаться с соседями, не успев даже въехать в новый дом.

Мальчишка подхватил руками мяч и с вызывающим видом обернулся. У него была смуглая кожа, черный ежик и синие, как море в Полиньяно, глаза.

— Может, устроишь погром где-нибудь в другом месте? — не отставал от него Эдуардо.

Недолго думая, пацан выхватил из-за отворота гетры выкидной нож, точным ударом проткнул мяч и презрительно швырнул его отцу. Несколько секунд он угрожающе смотрел на нас, не отводя взгляд — при мне никто раньше не осмеливался ставить под сомнение авторитет Эдуардо, — и затем начал потихоньку отступать ко входу в дом. Когда он взбежал по мраморной лестнице, шаги его прозвучали как сольная партия чечеточника. Мы так и стояли, не произнеся ни слова.

Он исчез так быстро, что в холодном неоновом освещении мне померещился синий световой след, оставленный его глазами.

Мне категорически запретили с ним не то что дружить — даже заговаривать. При встрече в коридоре «Детской улыбки» следовало опустить глаза. Если его мяч катился в мою сторону, я должен был удержаться от искушения ударить по нему. Сорванец бросил вызов моему отцу, да еще и разгуливал с ножом, что переводило его из разряда обычного хулиганья в преступники. Вдобавок, словно этого было мало, его семья оказалась одной из *тех самых*.

Его мать, Эстер, была американкой. Она родилась в Коннектикуте и собиралась стать монахиней, но ради замужества отказалась от религиозного призвания. Этот брак был их последней надеждой, повторяли ей родители. Перед самым отъездом Эстер в Италию мать прошептала ей на ухо: «Не переживай, семейная жизнь не помеха твоей вере». Чтобы не расстраивать ее, та дала два обета: негласный Иисусу Христу и прилюдный своему мужу. Его звали Винченцо, он был каморристом и приехал за ней аж в Новый Свет. «Поедешь со мной в Италию, там поженимся. Обещаю, что твоему отцу больше никогда в жизни не придется разгребать дерьмо».

Есть на свете мужчины, чьи речи завоевывают женское сердце куда быстрее, чем слово Божье, и Эстер не устояла перед перспективой безбедной жизни, открывшейся перед ней и ее семьей. Единственной помехой были восемь тысяч миль, которые ее от этой жизни отделяли.

У Винченцо были светлые волосы, синие глаза и ясное мальчишечье лицо. Прозвище Макулатурщик он унаследовал от Леонардо, своего отца, который

по ночам подбирал на улицах картонные коробки, забрасывал их в кузов трехколесного грузовичка «апекар», а потом продавал бумажным фабрикам на юге Лацио.

В конце семидесятых Винченцо отказался от незадавшейся карьеры боксера и предложил свои услуги стремительно завоевывавшему авторитет молодому мафиозному боссу по прозвищу Кирпич. Тот очистил улицы от торговцев героином и проституток и с умом подошел к выбору союзников.

Он выступил против дона Раффаэле Кутоло и победил. Сошелся с самыми влиятельными семействами и теперь держал в своих руках половину подпольных казино города. При этом не пострадал ни один житель контролируемого им квартала, за что он заслужил уважение большинства и всеобщую готовность хранить молчание. Девиз босса гласил: настоящие дела вершатся вдали от родной улицы.

Так что Винченцо сделал ставку на Кирпича и поступил к нему на службу. Он лишился возможности создать свой собственный клан, но не слишком расстроился из-за этого. Природа с лихвой наделила его таким качеством, как смирение. Он проделал долгий путь: был простым грабителем, потом сборщиком податей, телохранителем босса, а закончилось все тем, что Альянс отправил его в США в составе делегации, которой предстояло провести переговоры о купле-продаже с бруклинской каморрой.

Недвижимость, вызвавшая интерес Кирпича, находилась в Коннектикуте, где родилась и выросла Эстер; ее семья приехала из Италии и вот уже тридцать лет убирала навоз на Американском контин-

ненте — сначала на аргентинских пастбищах, потом в Мексике и наконец в промышленных животноводческих комплексах на окраине Хартфорда.

Они встретились совершенно случайно. Как-то раз Винченцо в компании нескольких земляков отправился в Музей истории Коннектикута, и выставленная там коллекция оружия полковника Сэмюэла Кольта произвела на него неизгладимое впечатление. Даже самый тупой американец разбирался в оружии лучше, чем его босс.

Сидя в кафе после экскурсии, Винченцо рассказывал своим новым знакомым о том, как бы ему хотелось попасть на какой-нибудь оружейный склад, и заметил, что девушка за стойкой прислушивается к разговору. У нее были смуглая кожа, темные волосы и черные, словно маслины, глаза, пронзавшие тебя насквозь, как пуля сорок пятого калибра.

— Ты итальянка? — спросил он.

— Я родилась здесь неподалеку, в Нью-Хейвене, — ответила девушка. — Мои родители итальянцы.

— Ты слишком красивая для американки.

— Я не из местных блондинок, если ты об этом. Будешь ореховый пирог?

— Покажи мне, кто тут хозяин, и я куплю тебе всю кондитерскую.

Дорожные расходы невесты и ее родителей взял на себя Кирпич — это был его свадебный подарок верному соратнику. Прошло время, и американка родила двоих детей, Леонардо и Джузеппину: девочку назвали в честь бабушки по материнской линии, сына — в честь деда по папиной, Макулатурщика-старшего.

МАССИМИЛИАНО ВИРДЖИЛИО

Лео с детства предпочитал жизнь уличного мальчишки домашнему уюту. Целыми днями он слонялся по городу, доказывая, что мои родители ошибались или меня обманывали: улица никому не причиняла вреда.